

ДВЕ «ШИНЕЛИ» В ПЛАНЕ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ

ВОЙЦЕХ ГОРЧИЦА (БЕЛЬСКО-БЯЛА)

Автор анализирует семиотические смыслы понимания «плаща» в рассказах Николая Гоголя (*Шинель*) и Антона Чехова (*Хамелеон*), используя трихотомическую концепцию знака Ч. С. Пирса и одновременно способ проявления им понимания. Одной из основных проблем, какие рассматривает автор, является контекст, который, следуя Пирсу, в статье соединяется с «качеством», «чертой», «событием» и «законом».

Основные смыслы семиозы Гоголя автор относит к персонажу Петровича как «брата», который высвобождает мышление и чувства Башмачкина в противовес персонажу Петра I («лошадиная морда»), который убивает это мышление. Автор раскрывает смыслы понимания таких предметов, как «палец», «табакерка», «алебарда», «табак». Это дает ему возможность говорить о законе «опоздавшей» алебарды и о законе «опоздавшего» навыка принятия табака, что ведет к незаконной краже плаща.

В семиозе Чехова автор подчеркивает прежде всего существенную роль таких предметов, как: «узелок», «крыжовник» и «палец». Семантическая сетка «событий», «качеств» и «черт» составляет в *Хамелеоне* незаконный, опирающийся на правило кормления способ поведения и жизни героев. Репрезентант идеи «Третьего Рима» – Очумелов – гротескный и трагикомический – вместе со своим «плащом» олицетворяет закон, но с течением времени теряет шансы не уронить своего достоинства. Лишает этого Очумелова толпа – коллективный демон – способствующий Елдырину. Оттуда, в конечном фрагменте рассказа, экспозиция плаща как мотива защиты.

Ключевые слова: трихотомическая концепция знака; Петрович как «брат»; Петр I – «лошадиная морда»; правило кормления; «плащ» как буква закона; толпа – коллективный демон.

The author analyses the meaning of semiotic understanding of a „coat” in Nicholas Gogol’s.

(*Greatcoat*) and Anton Tchekov’s (*Chameleon*) short stories, using Ch.S. Peirce’s establishments related to a trichotomic arrangement – including the way of displaying understanding through a sign. One of fundamental issues examined by the author is

the context connected with a „quality“, „feature“, „occurrence“ and „law“, following Peirce.

The basic meaning of the Gogol's semiosis is connected by the author with a character of Petrovich as a „brother“ who releases thinking and feeling in Bashmachkin, in contrast with the character of Peter I („horse muzzle“) who kills this thinking. The author concentrates on discovering the meaning of such objects as „finger“, „snuffbox“, „halberd“, „snuff“, which creates a possibility of talking about the law of „late“ halberd and the law of „late“ habit of taking a snuff. This leads to lawless capturing of the „coat“.

In Tchegov's semiosis the author underlines, most of all, the importance of objects such as „small bundle“ and „gooseberry“. The semantic network of „occurrences“, „qualities“ and „features“ creates in *Chameleon* lawless, because based on *kormlenija* (derived from *kormit*, in Russian: to feed) rule, way of behaviour and lifestyle of the characters. A representative of an idea of the „Third Rome“ – Ochumelov – grotesque and tragicomic, stuck to the „letter“ of law, which is personified by the „coat“, clearer and clearer loses the chances of saving face. He is deprived of this chance by the crowd – a collective demon (favoring Yewdirin), before whom the character defends himself using the „coat“ as a curtain.

Key words: trichotomic arrangement, Petrovich as a „brother“, Peter I – „horse muzzle“, *kormlenija* rule, „coat“ as a „letter“ of law, crowd – collective demon.

Знак в своей функции замещения должен быть осязаемым. Тогда он является репрезентацией. Другими словами говоря, знак должен быть прочитан как репрезентация чего-то иного, а не только как что-то прямо существующее¹.

Надо подчеркнуть, что Чарлс Сандерс Пирс решительно отбросил двухэлементные семиотические теории и резко противопоставлялся трактовке знака лишь только с точки зрения его функции замещения.

Говоря о семиотическом понимании «шинели» у Николая Гоголя и у Антона Чехова, надо прежде всего обратить внимание на «предмет» как объект знаковой реляции² и рассматривать его в контексте триадического взаимоотношения: средство сообщения (репрезентатив) ↔ предмет ↔ значение знака (интерпретанта)³. Следует также учесть и тот факт, что знак

¹ Ср. BUCZYŃSKA-GAREWICZ, H.: *Semiotyka Peirce'a*, Warszawa 1994, s. 25. По Пирсу познание начинается с убеждений и состоит из убеждений.

² BURZYŃSKA, A.: *Semiotyka*, [w:] Burzyńska, A., Markowski, M. P.: *Teorie literatury XX wieku*, Kraków 2007, s. 235.

³ Op. cit.

у Пирса имеет свой способ проявления понимания. Это зависит, с одной стороны, от внутренних свойств знака, с другой, от интерпретации извне, которая связана с функционированием знака в различных контекстах. Говоря о контексте, интересно рассмотреть в процессе анализа знаки, которые Пирс, имея в виду средство сообщения, определил как качества и черты, как события и как закон⁴. Добавим, что репрезентатив (средство сообщения) является у Пирса первым коррелянтом аутентичного триадического отношения.

Свой анализ Гоголевской и Чеховской «семиозы» начнем с дефиниции культуры, которая не является гомогеническим целым. Культура представляет собой что-то в роде конкретного стиля жизни, который обнаруживает более широкое значение не только по отношению к искусству, но и по отношению к науке, к ежедневному поведению человека и к разного рода учреждениям. То же самое мы можем сказать о символах и об идеологии⁵.

Культурный фон, который обуславливает появление «шинели» у Голя и её кратковременную жизнь, тесно связан с несколькими «учреждениями». Они появляются на дороге Башмачкина постоянно. Рассматривая *Шинель* в контексте триадического взаимоотношения, следует соотносить ее, с одной стороны, с родословной Башмачкина, Петра I и Петровича, с «учреждениями» (департамент, комната Петровича, будка) и с законом (правила работы Петровича, *Табель о рангах*, алебарда). Кроме того, кардинально важное значение для раскрытия Гоголевской концепции с учетом актуального понимания⁶ имеют такие знаки-предметы, как «палец» Петровича и «табакерка» с генералом.

Исходя из этих установок, обратим внимание на процесс, в котором культура представляет собой конкретный стиль жизни по отношению к ежедневному поведению героев *Шинели*.

Поведение Башмачкина на дороге к «шинели» и от «шинели» к смерти можно определить, используя некоторые фигуративные образцы мышления и говорения. Благодаря им, участник событий (Башмачкин, Петрович) проектирует свою волю и интенции⁷. Это связано непосредственно с «поэ-

⁴ Op. cit., s. 237-238. Цит. по: BENSE, M.: Świat przez pryzmat znaku, przeł. J. Garewicz, Warszawa 1980, s. 9-10.

⁵ MARKOWSKI, M. P.: Badania kulturowe, [w:] Teorie..., op. cit., s. 524.

⁶ Говоря об актуальном понимании Ядацки подчеркивает важную функцию корреляции. Ср. JADACKI, J.: O rozumieniu. Z filozoficznych podstaw semiotyki, Warszawa 1990, s. 15.

⁷ PHILIBERT, M.: Paul Ricouer czyli wolność na miarę nadziei (Szkic o twórczości i wybór testów), przeł. E. Bieńkowska, H. Bortnowska, S. Ciechowicz, Warszawa 1976, s. 49.

тикой воли», с первым разделом антропологии, построенным вокруг таких понятий, как: *хочу, терплю, намереваюсь, решаю, советую, сомневаюсь, изменяюсь, надеюсь, соглашаюсь, боюсь, люблю, бунтую*. Этот образец категории *antropos* тесно связан с убеждением, что интеллигенция находит свои корни в стремлении к преобразовыванию жизни и в ее субъективизации. Свою мысль человек связывает прежде всего не с адаптацией к обстоятельствам жизни, а с актом (вольного) выбора⁸.

Основой акта выбора Башмачкина является его родословная – точнее, значение его имени и отчества (Акакий Акакиевич – *akakos* – с греч.: не делающий зла, незлобный)⁹.

В обстоятельствах петербургской жизни Башмачкин до крика, произнесенного при слове Петровича («новую»)¹⁰ проявляет этот вид «воли», который можно связывать с тремя понятиями: *терплю, люблю, боюсь*. Преобладает *боюсь*, что ассоциируется с часто появляющейся в чиновничьем воображении «лошадиной мордой», которая *помещалась ему на плечо и напускала ноздрями ветер в щеку*¹¹. Подчеркнем, что родословная владельца этой «морды» отнюдь не имеет таких «положительных и твердых» источников, как родословная испуганного. Профиль демонического гротеска, в перспективе которого изображен Петр I, сидящий на коне, находит свое актуальное понимание в понятии «азиатец»¹², а также в событии, о котором пишет князь Петр Долгорукий: «Этот (Иван Мусин-Пушкин – зам. мое – В. Г.) знает, что он сын моего отца. Но я не знаю, чей я сын»¹³. Об «азиатских» навыках Петра I, как известно, пишет Гоголь в очерке *Al-Mamun*. Несомненно, можно заниматься корреляцией «достижений» Al-Mamuna в области организации «познания» с «достижениями» Петра I в этой области¹⁴.

Метафора «лошадиной морды» с ее «ветром истории» определяет точку зрения субъекта (героя), а точнее, взаимоотношение между понятиями:

⁸ ŚLÓRSARSKA, J.: *Studia z poetyki antropologicznej*, Warszawa 2004, s. 12.

⁹ ПЕТРОВСКИЙ, Н. А.: *Словарь русских личных имен*, Москва 1980, стр. 43.

¹⁰ ГОГОЛЬ, Н. В.: *Петербургские повести. Пьесы*, Москва, стр. 134.

¹¹ ГОГОЛЬ, Н. В.: *Петербургские повести. Пьесы*, Москва, стр. 128

¹² Ср.: GALSTER, B.: *Paralele romantyczne. Polsko-rosyjskie powinowactwa literackie*, Warszawa 1987, s. 216. Также: ГОГОЛЬ, Н.: *Портрет*, (в:) *op. cit.*, стр. 108.

¹³ Ср.: TROYAT, H.: *Piotr Wielki. Geniusz i szaleństwo*, przeł. B. Przybyłowska, Warszawa 2005, s. 12. *Memoires księcia Piotra Dołgorukiego*, Genewa 1867.

¹⁴ BIENIEK, A.: *Świat arabski, ludy tureckie, łacinnicy na Wschodzie*, [w:] *Wielka historia świata*, t. 4. *Kształtowanie średniowiecza*, pod red. M. Salamona, Kraków 2005, s. 577-578.

люблю (работа, препесывание) ↔ терплю (хочу и не могу; мороз) ↔ боюсь (департамент, ранг). Внимания заслуживает взаимоотношение люблю – боюсь. Оно до некоторой степени может ассоциироваться с «азиатской» традицией рукописи, с фактом, что Al-Mamun, как основатель «Дома Мудрости», особенно заботился о рукописях, которые добывались часто ценой крови, в результате предпринятых военных действий¹⁵.

Страной, в которой в XVII–XVIII вв. рукопись имела решительно большее распространение, чем печать, была Россия. В большинстве библиотек находились рукописи. Книжные магазины, не считая Москвы и Петербурга, не существовали¹⁶.

С «азиатской» традицией рукописи ассоциируется «любовь» Башмачкина к своей работе. «Любовь» одновременно пропитана страхом, особенно тогда, когда герой начинает «мыслить», когда появляется «параллельная переработка информации» (*он чуть было даже не сделал ошибки, так что почти вслух вскрикнул «ух!» и перекрестился*¹⁷).

Поскольку источником действий героя является страх, на его дороге к «шинели» не может появиться акт воли – его действия связаны прежде всего с адаптацией. Источник такого акта скрыт, однако, в натуре Башмачкина. Он мысленно определяет его: *Я брат твой*.

Единственным партнером в дискурсе Башмачкина на тему «шинели» и одновременно его братом является Петрович. Он олицетворяет «учреждение» и закон, которые действуют в пользу человека. Контрастное сопоставление департамента с лестницей и с комнатой Петровича дает гротескное понимание «мечты» Башмачкина о «шинели». Лестница, по которой поднимается Башмачкин, символизирует связь между Адом (Землей) и Небом¹⁸. Детальное описание лестницы замещает психологический анализ. Чувство страха смешано здесь с надеждой: *... лестница ... была проникнута насквозь тем спиртуозным запахом, который ест глаза... Акакий Акакиевич уже подумывал о том, сколько запросит Петрович*¹⁹. Для гротеска Гоголя характерен неоднократно перевес чудовищности, болезни и разру-

¹⁵ Op. cit. См. также: GALSTER, В.: op. cit.

¹⁶ PIROŻYŃSKI, J.: Kultura XVII wieku – krąg europejski, [w:] Wielka historia świata. Świat w XVII wieku, t. 7, pod red. A. Podrazy, Kraków 2005, s. 126.

¹⁷ ГОГОЛЬ, Н. В.: Петербургские повести. Пьесы, Москва, стр. 138

¹⁸ ELIADE, M.: Obrazy i symbole, przeł. M. i P. Rodakowie, Warszawa 1998, s. 57-58.

¹⁹ ГОГОЛЬ, Н. В.: Петербургские повести. Пьесы, Москва, стр. 131

шения²⁰. Однако, у автора *Ревизора* репрезентирующая функция этих категорий не имеет отрицательного значения как. Напр., у Эдгара Аллана По, который считал, что гротеск это диковинка, побуждающая кошмар и ужас²¹.

«Палец» в «учреждении» портного проявляет свое понимание как часть тела, испорченного тяжелой работой. В процессе языково-семиотической медиатизации этот предмет ассоциируется с несколькими понятиями, которые можно определить, как: сверхчеловеческий труд, высокое качество работы, боль. Они являются *deus ex machina* короткого счастья Башмачкина, которое опирается также на взаимопонимание, на соблюдение Петровичем законов работы.

Петрович и его больной палец, если учесть интерпретацию извне, символизируют, с одной стороны, моральный фундамент, на который может опереться Башмачкин, с другой, источник все более активного мышления Акакия. Таким образом, родословная Петровича замещает чиновнику «учреждение-государство», основанное Петром I. В актуальном понимании этого «учреждения» настоящим Петром является портной.

Петрович не имеет ничего общего с униформизацией в сфере публичного поведения, т.е. в сфере мысли и эмоций²². Он противопоставляется закону ранга, будучи вольным гражданином, и подтверждает факт, что человек не рождается для выполнения в государстве определенной функции²³: *Петровичем стал называться с тех пор, когда получил отпускную*²⁴. Как Петрович он продолжает дедовскую «традицию», пьет горькую и, лишь только в этом смысле, «рождается для выполнения в государстве определенной функции».

Как известно, Петр I в 1694 году ввел указ, в котором сравнивал права властителей поместий с правами властителей вотчин и ликвидировал касту черносошных крестьян. При Петре I крестьянин стал рабом и был привязан к помещику как чиновник к рангу, т.е. к государству²⁵. Указ и *Табель о ран-*

²⁰ JENNINGS, J. B.: Termin „groteska”, przeł. M. B. Fedowicz, [w:] Groteska, pod red. M. Głowińskiego, Gdańsk 2003, s. 39.

²¹ Op. cit., s. 37.

²² PLATON: Państwo. Państwo z dodaniem siedmiu ksiąg „Praw”, t. I, Warszawa 1958, VII, s. 519-50.

²³ Сначала он назывался просто Григорий ... (с греч. gregoreo – бодрствовать. ПЕТРОВСКИЙ, Н.А.: op. cit., стр. 131).

²⁴ ГОГОЛЬ, Н. В.: Петербургские повести. Пьесы, Москва, стр. 131.

²⁵ FRANASZEK, P.: Stosunki społeczne w Europie XVII wieku, [w:] Wielka historia świata. Świat w XVII wieku, op. cit., s. 89-90.

зах (1722 г.) создают вид культуры, которая является гомогеническим целым. В этом значении «старая шинель» Башмачкина как репрезентация «ранга» подтверждает факт его рабства, а больной палец Петровича болезнь государства. Новая шинель и заклеенный на табакерке Петровича генерал, являются, в свою очередь, репрезентацией натурального права и вольности. Со стороны Гоголя – это пример «субъективизации предмета». Мы обнаруживаем в нем тот аспект культуры, который открывает перед Башмачкиным новую дорогу с одновременным ее «просветлением»²⁶. Однако, «просветление» в обстоятельствах рабства ранга проигрывает с «генералом», хотя этот на табакерке Петровича имеет заклеенное бумажкой лицо. Положительное *затуманило в глазах*, связанное с «просветлением», «лицо» заменяет на «затемнение», т.е. на страх, категорию, которая, парадоксально, связана с атрибутом *ясно* (*видел ясно одного только генерала*)²⁷.

Страх порождает «рентгеновское», т.е. смертельное видение героя. За «правильностью» этого видения наблюдают «будка», «будочник» и «алебарда»²⁸ – три символа, являющиеся похвалой табака и пользы его принятия (также курения) в государстве Петра I в час ночи и в час дня. Они являются гротескным и одновременно неожиданным воплощением триады: (икона) алебарда ↔ (индекс) лентяйничание, (символ) табак ↔ рабский порядок, «высшая степень» чего-то, а вместе с тем репрезентацией устарелых и абсурдных структур государства и равнодушного отношения к человеческим интенциям и трагедиям.

Согласно Пирсу, икона – это, прежде всего, воображение и (слабее) воспроизведение. Воображение может касаться определенных качеств и событий, взаимоотношений и репрезентации (метафора). Только гипоикона, которая имеет как репрезентамена одну из этих трех возможностей и одновременно интерпретанту, может стать иконическим знаком²⁹.

²⁶ «Событие у Достоевского заключается, (...) например, во внутренней, ментальной перемене и воплощается в том когнитивном, душевном или нравственном сдвиге, который обозначается такими понятиями, как «прозрение», «просветление» или «озарение». Такими же параметрами характеризуется событие и у Чехова. Ср.: SZMID, W.: *Narratologija*, w: <http://WWW.gumer.info/bibliotekaBuks/Literat/shmid/01.php>

²⁷ ГОГОЛЬ, Н. В.: *Петербургские повести. Пьесы*, Москва, стр. 13.

²⁸ В России алебарда появилась только в 1605 г. В Европе она была популярной в XIII-XV вв. – особенно среди швейцарских пехотинцев. Алебарда распространилась в России при Петре I. Царь подарил алебарды городу Петровск, который основал в 1698 г. Ср.: <http://www.kalininsk.m/frendler/petrovsk.htm>

²⁹ KOMENDZIŃSKI, J.: *Znak i jego ciągłość. Semiotyka Peirce'a. Między percepcją i recepcją*, Toruń 1996, s.69-70.

В *Хамелеоне* нас заинтересует особенно процесс порождения репрезентации нескольких знаков, которые функционируют в контексте событий, связанных с «шинелью», «узлом», «пальцем», «собакой» и создают метафорическое значение Чеховской семиозы. Пользуясь установкой Леона Коя, подчеркнем, что событие является знаком тогда, когда реципиент в состоянии вскрыть новую информацию³⁰. Какую? Во-первых, «бьет» в глаза новая шинель Очумелова, узелок в его руке и *городовой с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником*³¹. Реляция: «новая шинель-крыжовник» создает воображение жаркого дня, точнее, может воспроизводить образ жаркого дня. «Шинель» как «натуральная» гипоикона не принимает во внимание большой жары. Высокая температура, однако, «не мешает ей подчеркнуть», что вместе с ее владельцем она является репрезентацией власти, хотя он – Очумелов – не в состоянии предвидеть, что эта власть может быть кратковременной. Гротескное сопоставление «серьезной шинели» и «прозаического узелка» можно рассматривать, учитывая характеристику интеракционной метафоры³²: высокое качество, высокий ранг ↔ низкое качество, низкое поведение.

Поскольку в *Шинели* Гоголя будочник был «правильно» связан с алембардой, постольку «неправильность» Чеховского сопоставления: полицейский надзиратель ↔ узелок в руке дает повод исследовать его с учетом исторического контекста. Несомненно, «узелок» (и «крыжовник» одновременно) надо отнести к правилу кормления. Это правило было характерно особенно для обыденной жизни провинциального городка в России, которого жители обязаны были платить деньги представителям местной администрации (власти) или, что было более правдоподобным, платить в форме всякого рода продуктов³³. Правило кормления, функционирующее в России с XVI до начала XX вв., было тесно связано с взяточничеством.

Метафорическое сопоставление Чеховым «высокого» с «низким» ставит «шинель» Очумелова в несколько иной перспективе, чем «шинель» у Гоголя. Новая «шинель» Башмачкина более связана с метаморфозой на уровне перспективы мышления о цели, которая может осуществиться.

³⁰ KOJ, L.: Próba zdarzeniowej teorii znaku, [w:] O nauce i filozofii nauki. Księga poświęcona pamięci J. Giedymina, pod red. K. Zamiary, Poznań 1995, s. 64-66.

³¹ ЧЕХОВ, А. П.: Рассказы и повести, Симферополь 1989, стр. 14-17.

³² BLACKE, M.: Jeszcze raz o metaforze, przeł. M.B. Fedowicz, „Pamiętnik Literacki” 1993, z. 3.

³³ Об этом шире: CHWALBA, A.: Imperium korupcji w Rosji i Królestwie Polskim w latach 1861-1917, Kraków 2006, s. 126-128; A. Markiz de Custine, Listy z Rosji. Rosja w 1839 roku, przeł. M. Górski, Kraków 1989, s. 224.

«Мышление» Очумелова связано прежде всего с поисками ответа на вопрос: как спасти свою шинель, т.е. как спасти свой чин?

Оттуда основным предметом, сопутствующим ему в поисках такого ответа, является именно «шинель», что ассоциируется, в свою очередь, с вицмундиром Червякова из рассказа *Смерть чиновника*. В *Хамелеоне* «шинель» работает актером, принимает участие в меняющихся вариантах одного и того же события с «собакой» и с «пальцем».

Дэвид Дэвидсон называет ментальным событием описание персонажа, событие X, которое является его ментальным описанием. Ментальные предикаты характеризует факт, что они представляют собой предложения с агенсами, касающимися лиц. Это психологические части предикатов, которые создают неэкстенциональные контексты³⁴.

Для Очумелова, как в ситуации «познания» так и в ситуации «исследования» события с собакой, характерны: осторожность и официозность (*По какому это случаю тут? Почему тут?*); горячая эмоция (*Чья это собака?*; *Чья это собака – спрашиваю ...; Ужас как жарко*); мягкое уважение к чину (*Так это ихняя собачка? Очень рад. Собачонка ничего себе ...*).

Очумелов находится в ситуации «хамелеона», которому угрожает опасность. Чем опаснее, тем его движения становятся более энергичными – на первый план выдвигаются эмоции (*Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу: ... спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу; Ужас как жарко! Знобит ...*). В Чеховской семиозе можно выделить несколько реляций, которые создают актуальное понимание «шинели».

Реляция «палец-собака» воспроизводит фон, связанный с террористическими движениями в России 70-х и 80-х годов и с убийством царя Александра II. Его сын, Александр III, считал, что надо вернуть соответствующий ранг самодержавию и установить новый порядок³⁵.

Образцом такого порядка для Очумелова являются два города: Петербург и Москва. Они создают его убеждение в том, что «палец», несмотря на поведение Хрюкина, надо защищать, а собаку надо истребить. Пирс считал, что категория убеждения обозначает одновременно состояние нашей мысли и исследовательскую гипотезу. Пирс подчеркивал, что единственная функция мышления – это порождение убеждений. Убеждения, однако, не яв-

³⁴ DAVIDSON, D.: Zdarzenie mentalne,[w:] B. Stanosz (red.), Eseje o prawdzie, języku i umyśle, Warszawa 1992, s. 168-169.

³⁵ HELLEN, M.: Historia imperium rosyjskiego, Warszawa 2002, s. 604-608; BAZYLOW, L., WIECZORKIEWICZ, P.: Historia Rosji, Wrocław 2005, s. 149.

ляются целью самой по себе. Они являются способом порождения навыков действия³⁶.

Очумелов, исследуя событие, все время хочет убедиться в том, кто виноват. Окровавленный «палец» Хрюкина является для него репрезентацией безобразия и небрежного отношения владельцев собак к постановлениям. С другой стороны, надзиратель проявляет понимание хамства и хитрости Хрюкина.

Исследовательские гипотезы Очумелова, касающиеся двух предметов, отнюдь не являются самостоятельными. Он опирается на гипотезы Елдырина как смотрящего, который вместе с толпой знает лучше, чем Очумелов, как вести себя, чтобы не потерпеть поражения.

По интерпретационной теории Дэвидсона, мы компенсируем убожество, касающееся значений определенных предложений, не таким способом, что мы стараемся поочередно подтверждать наши убеждения на тему значения слов. Мы обращаем внимание на глобальный образ этих убеждений. Такой тезис, по Дэвидсону, можно отнести к разговору двух лиц, с которых каждое является интерпретантой другой³⁷.

Именно с такой ситуацией мы встречаемся у Чехова. Как «атака» пальца и его «защита» так и «атака» собаки и ее «защита» зависят во многом от того, что решает Очумелов по отношению к «обязанностям» Елдырина и Хрюкина. Компенсация убожества наших знаний в этой области должна учитывать две ситуации, в которых каждовременно Очумелов формулирует ошибочные гипотезы, что связано с отсутствием убеждения: – *Елдырин, – обращается надзиратель к городовому, – узнай чья это собака, и составь протокол!*; – *Ты, Хрюкин, пострадал, и дела так не оставляй.*

В первом случае Елдырина защищает толпа (*Это, кажись, генерала Жигалова!*), в другом, Елдырин, будучи интерпретантой в разговоре с Очумеловым, защищает самого себя (*– А может быть генеральская, – думает вслух городовой...*). Толпа опять защищает Елдырина (*– Вестимо, генеральская!*).

Семиоза взаимоотношений «палец-собака» осложняется введением «генерала», который угрожает, прежде всего, Очумелову как надзирателю. Поскольку Елдырин с толпой умело «заклеивают его лицо бумажкой», постольку Очумелов, как «атакующий» и подчиненный одновременно, не

³⁶ BUCZYŃSKA-GAREWICZ., H.: op. cit., s. 23-24.

³⁷ DAVIDSON, D.: op. cit.

в состоянии этого сделать. В этом отношении страх Очумелова роднит его со страхом Башмачкина.

Ошибочные гипотезы вводят полицейского надзирателя в тупик. В контексте очередных вариантов события с собакой «психологической частью» сказуемого все чаще является «пальто» (– *Сними-ка Елдырин с меня пальто; Надень-ка брат Елдырин, на меня пальто ...*).

Новая шинель Очумелова в театре Чехова играет роль то «нужного», то «лишнего» реквизита. Наконец-то надзиратель запахивается в шинель, становясь объектом события. Очумелову чуждо «тринадцатое» мышление. Икона (окровавленный палец) или является индексом наказания владельца собаки, или индексом наказания Хрюкина. Толпе равнодушно над кем будет хохотать – над Хрюкиным или над Очумеловым.

Очумелов как репрезентация «идеологической шинели» (самодержавия) является более телом в плаще чем человеком в плаще. «Глубокомыслящего» Елдырина (ср.: *елдыжить – вздорить, затевать ссоры, придираяться; елдыга – сварливый и корыстный человек*) и толпу, которая «болеет» за него, можно считать симптомом коллективного демонизма, которого боится Очумелов и который появиться в недалеком будущем³⁸. Трагикомический профиль действий Очумелова связан с «мышлением» толпы, которая сочувствует прежде всего «глубокомыслящему» Елдырину. Очумелов, запахивающийся в шинель – это «человек в плаще, теряющий память»³⁹. Шинель, все-таки, дает ему еще немного шансов отыскать равновесие между страхом и убеждением в том, что он получит новый узелок.

Шинель у Гоголя и у Чехова является репрезентацией типичной символики нескольких категорий: власти, обороны, метаморфозы, укрытия, интриги и заговора⁴⁰. Говоря об актуальном понимании шинели у обоих писателей, надо подчеркнуть, что у Гоголя мотив плаща, имея много общего с романтической метаморфозой⁴¹, был тесно связан с памятью героя. Поэтому значение шинели, рассматриваемое в контексте «мышления» Башмачкина, является субъективизацией предмета со стороны Гоголя. Она имеет

³⁸ Ср. Замечания на тему демонического коллективизма: GORCZYCA, W.: Briusow * Iwanow * Gumilow. Prawdy o micie, symbolu i historii, Bielsko-Biała 2008, s. 89-93. Ср. Также: «елдыжить» – цит. по: ДАЛЬ, В.: Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, Москва 1978, с. 518.

³⁹ Ср.: TARKOWSKA, J.: Konceptualizacja Rosji i świata w poezji Josifa Brodskiego: dom – miasto – ojczyzna, Lublin 2007, s. 168.

⁴⁰ TRESIDDER, J.: Słownik symboli, przeł. B. Stokłosa, Warszawa 2001, s. 166.

⁴¹ Op. cit.

свой источник в понятии «брат», которым был портной Петрович для своего клиента (и наоборот).

В случае Очумелова и его шинели на первое место выдвигается интрига и заговор. Как репрезентация власти его «шинель» привлекает внимание толпы в таком значении, что толпа как-будто сговаривается против него. Елдырин абсолютно не является «братом» полицейского надзирателя (– *Надень-ка брат Елдырин на меня пальто*). Полицейский надзиратель как защитник «Третьего Рима»⁴² становится «совершенным никто», человеком в плаще – продуктом самодержавия.

Новый тип человека в плаще, *который потерял память, отчизну и сына, совершенный никто*⁴³ появится спустя 90 лет в творчестве Иосифа Бродского уже как репрезентация «нового Третьего Рима», осознанная поэтом прежде всего с точки зрения древнегреческого мифа. Пока, в рассказе Чехова, мы встречаемся с древнеримской традицией «игрищ для народа», участник которых – «гладиатор» Очумелов нашелся в ситуации крайне опасной.

⁴² Ср. мой замеч. о «Третьем Риме» и о „польских стихах» А. Пушкина и В. Брюсова. GORCZICA, W.: *Briusow ...*, op. cit., s. 10, 18-20.

⁴³ TARKOWSKA, J.: op. cit. s. 168-169.